

М Н И М О Е

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВИЛАНД КРУММ

РАВНОВЕСИЕ

18+

Виланд Крумм

Мнимое равновесие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70498186

SelfPub; 2024

Аннотация

Слёзы не есть путь к прощению себя. Жалость к собственной беспомощности способна длиться до тех пор, пока не решишь взять всё в свои руки.

Виланд Крумм
Мнимое равновесие

Я...

Я – страх поколений,
Я – стыд дочерей, разрушивших семьи,
Я – боль всех отцов, не сумевших остаться,
И груз сыновей, их "решить или сдаться".
Я – камень надгробный с портретом слепых,
Боль первой измены, крик тех, что "на ты",
Я – кулаки братьев, я – спор между сёстрами,
Суд между детьми, их "любимыми" взрослыми.
Я – плач матерей, их палач сыновей,
Я – вор их ещё и не прожитых дней.
Я – жизнь тех немногих, что прошла так безбедно,
Я – облик солдат, вдруг пропавших бесследно,
Я – первый их выстрел и первая смерть от их рук,
И я – беспощадное "мрут там и тут".
Я – закрытое дело уж лет 5 назад,
И напрасное "8 – за других просидят",
Я – врачебная клятва, что звучала впустую,
"Вы ещё на свободе, из-за вас он ведь умер" ...
Я – в спину удар, что убьёт в вас надежду,
Я – толковое слово из уст той невежды,
Я – кошмар на свободе, сладкий сон, что в неволе,
Я – счастья секрет подростка в уколе.
Похвала лицемера, комплимент от уродца,
Я – подарок приятный из рук незнакомца.
Я – та помощь, когда всё уже улеглось,

Я – подсказка, когда, кое-как, но сошлось.

Я смерть всех неуспевших,

Жизнь людей, что повиснуть давно уж хотят...

Злом на добро

– Я давно уж никого не знаю,
В будущем отрезан был мой глаз.
Но вернувшись в прошлое когда-то,
Должен ли убийца был и вас...
Мне служить осталось тем, кто ранил,
Кто забыть приказ о мире дал.
Я так рад, что ты не забываешь...
И печален, что забыть не дашь.
В стенах этих всё вокруг вершилось,
И грехам в них места не нашло...
Если б вновь меня таким увидел,
Может, сердце б новое в пустыне проросло...
Мне не жаль о будущем нисколько,
И о прошлом мне давно не жаль.
Мы друг другу стали неродными,
По быломu плачет только новый Рай.
Где гнев жертв своих, убийца, спрячешь?
И за кем останется молва.
Думал я, когда себя не прячешь,
Не кончается история.

Бросают

—"А знаешь, тебе не понять какого, когда тебя бросают..."

Бросают через плечо на острый, мёрзлый асфальт,

Чтобы к кровавому льду даже детишки сбегались?

Бросают за руку через забор, чтобы послушнее стал,

Ведь по-другому, сука, ты не понимаешь?!

Бросают в воду вдвоём, за руки-ноги держа,

Чтобы не смел возражать, пока с сестрой полуголой играют?

Бросают в тайге весной, чтоб на медвежьей тропе

Даже на кости твои было людям в форме страшно смотреть?

Бросают с балкона "в хлам",

Ведь так за водкой явно быстрее, чем вплавь?

Бросают в болото трупак, ведь не найдут его там,

Пока люди в форме тайгу не прошерстят.

Бросают тебя одного с сердечком разбитым...

Чтоб с твоих глаз кап-кап по щекам побежал?...

Ты прав,

Мне не понять, какого, когда мозга вместо – паль.

Благодарность

Вдруг закончилось веселье,
В прошлом в грязи утонули;
Повзрослев, встали из лужи,
Наглотавшись из неё.
Думали, могло быть хуже.
Что? Закончились игрушки?
Чище стали дети... – нужды.
К взрослым ненависть питаем.
В чём причина? Чёрт нас знает,
Тварями всегда мы слыли,
Благодарности не знали,
А теперь и вовсе – совесть
И, в довесок, долг и обязань -
Стали легче пыли.

Тики

Аномально богат. На припадки; Величия нет. И всё в полном порядке. Виноградной лозы цвета глаз. Мы похожи. Ты глубокий, невинный мой сон – потревожил. Мне прожить с этим жизнь – не так страшно, Как тебе сгнить внизу, о, "отважный". Не сползлись на твой труп даже черви, Кем бы ни был, надеюсь, добьют тебя черти. Возврати мою смелость... И верни мне неведение, блики в глазах. Что для вас, гадов, "зрелость", Для меня теперь вечные ночи в слезах.

Мам...

В ящик дальний отложим дела,
Наши дивные, общие стороны;
Ты боролась с судьбой, ну а я
Не сумел о себе позаботиться.
Незаметно ушла и пришла,
Мне теперь уже это не вспомнится;
Дождалась ли того, что ждала,
Моя милая, мнимая скромница?
Ты писала в тетрадке стихи,
Беззаботность за море "в далёко" неся;
Я в забвении строил мосты,
Ведь без прошлого я, не сказать, чтобы я.
Ты бежала в морозы и зной,
Я под светом луны лишь по звёздам шагал,
По мне бил этот шум ярких лиц на Тверской;
Ты – подделка; счастливые лица порвал.
На том фото давно уже правды всей нет,
Мне покой надоел, в нём лазеек – не счесть.
В звёздах свет хладен так же, как зимний рассвет,
Не уйти от судьбы, ни на миг не присесть.
Нас другие с тобой не поймут,
Я и сам до конца не внимаю...
Когда все мои звёзды умрут,
Я тебя до конца, мам, узнаю?

Индивид

Ценить тех лишь, кто близок – стандартная схема,
Уважать лишь за честность и только её.

Но бывает такое: человек вольность принял

И по бесым следам вниз по тропке пошёл.

Для него это дикость – свой талант не за деньги;

Клясться в вере, просить, признавать, утешать -

Для него это стыдно.

"Гулкой славы добьётся здесь каждый дурак,

Одобрения жаждать – себя не уважать,

Потерять, индивида убить, не щадя,

Избегая других, сохранишь ты себя."

Мне и правда знакомо: Ты придумал свой город,

Создал образы солнечно-лунных людей

И открыл себя ново, чтобы лишь сохранить свою веру
внутри;

Ты глаза свои прячешь, губы сшил от издёвок,

Тело верный, сокрытый от глаз чужих храм.

Но бывает такое... Человек подневоля,

Для него нет иных, каких сам не видал,

Благ и смысла: он верит в свой "ад"

И уже не проникнется смыслом чужих "божьих врат".

Оправданий казать может каждый дурак,

За другими идти – не всегда потерять,

Индивида давно в человеке уж нет,

Мы подобны подобиям сгинувших лет,

Так старайся не думать, что здесь других нет,
Ты не в поле. Не воин. Простой человек.

Добряк

Ненормальный?

Я такой, какой я есть...

Это ты притворщик явный.

И с вранья тебе не слезть.

Помогай всегда другим,

А себя оставь в сторонке,

Старым, бедным и больным

Не позволяй покинуть гонку,

Сгинуть в тёмной комнатёнке... ребёнку.

Не призвание, закон -

Мучит в тебе совесть – божий,

Дабы в добряки учтён

Был, но в жертву непригожий.

И напрасно говоришь,

Что свои поступки родил,

Никогда уж не взлетишь,

Выше, чем союз народный.

Крепче спи, глядишь, уснёшь,

Но всей сути – не поймёшь.

Судья

Говоришь, Бог рассудит...
Ты думаешь, Бог рассудит?!
Он только судить и умеет!
Делить на "не очень" и скверных -
Делить на детей и смертных.
Ты знаешь, ему интересно
Обличать правду от истины?
Нас делить на упрямых и искренних,
Тех спасать, чьи молитвы – бессмысленны?
Я всё ещё пла;чу по средам...
Ведь БОГИ судить не умеют!
Грошу цена нашим победам,
И звания их – устареют,
Обличия канут бесследно,
Ведь Боги судить... не умеют.

Удобное поколение

Нас ругали, стыдили,
И всё было, право, не зря...
Мы – певчие птицы -
Вдруг удобны позициям верным,
В клетках рыбами стали, молча,
И послушны желаниям скверным.
"Мы вас слышим, родные...
Вы – всё громче кричать.
Всё нас губите, милые...
От того, что слух сгинет,
Уши кровью залиются,
Мы себя не изменим...
Мы себя не разлюбим."

Какой же я плохой

Грядущее не скажет, о чём речь.
Шепнёт на ушко так, что еле слышно.
Малыш, вонзи поглубже в землю меч;
В башке моей бардак и суета излишня.
Им предаваться мыслям было страшно:
Такой талант, увы, остался на морозе.
А что бредёт – действительно ужасно -
Об этом целый сказ напишут... В прозе.

Спасение в других

Неужели так много, поведай, прошу,
Вопиющее пламя к лицу поднося,
Пусть его так прилежно ладонью гашу?
За спиной два раскинулись гордых крыла -
От чего ж не за ними, руки сложа,
Чтобы вас сберегал от ударов судьбы,
Вы избрали упорно стоять до конца,
Не поверив, что мог остеречь от войны?
Я бы верил: поколь предо мною туман -
Сзади проблеск рассвета рассеял бы тень,
Ветер тёплый сменил яростный ураган,
Отличился б красой позолоченный день.
Я бы знал, что, покуда идут вдаль кресты,
Для живых будет время себя хоронить.
Чтобы не были дни в скором им сочтены
Расскажи, сколь ошибок дано допустить?

Ванильно

Давай-ка сделаем лишь вид:
Всем интересна моя жизнь,
Их всех волнует: кто такой,
Но ничего не говоришь;
Я не позорище, родной,
Ты не впитал ещё цинизм,
Что в людях подавил мораль,
Но разве людям объяснишь:
В них нет концепта "гуманизм",
Сознание шепчет: "Скаль, ужаль",
А их трясёт! Полегче, жизнь,
Ты ничего не обещаешь:
И без того тонут во лжи,
Ни капли, знаешь ли, не жаль,
Но хоть петельку развяжи,
Уже ведь холодно... Февраль...

Мечта юнца

Перенеси меня туда, где будут звёзды петь,
Чтоб на окраине в тиши ночной был не один;
Где гаснут фары и совсем не хочется шуметь
И не прольётся вслед: "Безбожный, сгинь!".
Пора найти своим огням всем по свече,
Запечатлеть ещё живых на объектив.
Я полон сил и не нуждаюсь во враче,
А счастлив буду, ничего не упустив.
Позволь закончить все незавершённые дела...
В толпе спешащих всех потерянных найти:
И тех, кого жизнь так ценила, берегла,
И тех, кто волей судеб оказался взаперти.

Сгоревшие ценности

Сколько тверди, понять не хватит трезвого ума!
Вам удаётся сохранить всю пакость глубоко внутри.
Признаться вынужден, так будет не всегда!
Доколь всё ломаются на век наш опустелые монастыри,
Ведь нашу истину сплотили; всё громят
Правдой обрушенные на головы стены,
А двери, как стояли, так стоят!
Впрямь часовые на посту, до выстрелов – смиренны.
Люди изменны, но их ценности – драгие,
И за бесценок продавать себя – талант!
Чем больше ценник – тем смешнее кажется измена,
И каждый Святой против грешных высказаться рад,
Но мы за рухнувшими стенами забыли,
Любовь оставив к миру, слабости свои;
И пазл, как он выглядел, собрать молили,
Но проще было людям отвечать: "Сожги."

Унижен

Друг милый мой! Я молился... ты слышал?
Но искупил лишь былые грехи;
Ангелы, спустившие мне петлю с крыши,
Крыльями заметали следы.
Строгим гласам я давно был излишен.
Взорам коварным – смешон.
В Мае холодном... По сей день унижен!
А виноват в этом – он.
Я б разорвался, не был таким скучным:
За ним пойдут тысячи...
И я за спиною – псом несчастным.
На привязи.

Прощание

Мои миры объединятся и сплотятся в истину
Чистую. Какой была душа когда-то мысленно, искренне;
Сил больше нет реветь навзрыд – это бессмысленно,
В её объятиях – судьбы легкомысленной – последний
встречу рассвет.

Не люди! Глядим на белый свет сквозь дымное стекло;
Обещаю! С собою лишнего не прихватчу в мир иной
ничего,

Милый путник! Здесь от земли до неба не так далеко;
От облаков до белёсой травы – так легко...

Спой, точно на видную публику, плачь

Будто снова загублена – сломлена, втоптана в законов
лист чья-то жизнь;

Играй, как услышать бы все смогли, молись,

Словно слышат лишь я и 'высь',

И тогда, уж клянусь, все грехи твои – искуплены.

Я с тобой...

Мир с тобой, как с цветком сорванным:
Нежнее, чем мать с младенцем тихим, беспомощным,
Пока доживаешь свои дни последние,
И ветер отныне ничуть не забава – молитва
предсмертная...
Тоскою холодной и каменным шёпотом:
Здесь даже листва не гниёт...
А труп, как живой, пролежит до весны,
Присыпанный снегом неловко, от глаз, провожающих
тихо, в смятении.
Весна же принять тебя меньше всех ждёт,
Но снег талый тело омоет, избавит от крови застывшей
зимой,
И воздух наполнится смрадом...
Последним душком в честь себя, вопиющим о смерти
Несправедливой, долгой и скверной.
Я с тобой, как с цветком сорванным...
Вручённым торжественно младшей сестрой;
С оправданием тихим, беспомощным
На траву рядом с живым положу...

Камень как лёд

Ты просишь лишь минутку.
Ну разве мне так жалко её?
Пойми, боюсь за нас не на шутку,
Того, что налетит с криками вороньё...
Мне вечер дивный поведал о дне...
О недоступном с надеждою в наше "вчера";
Об утре славном, когда, вновь вернувшись ко мне,
Теперь смолчишь о былой красоте сентября.
Вернёт ли гордая осень отнятый покой,
Иль стоит Март да Апрель мне скорей торопить?
По геноциду пойти: мою злость успокой!
Вооружить ведь не значит себе подчинить.
Я пацифист без морали и чётких границ,
Веду войну не за славу, а за упокой.
Давно погиб среди чужих мне, неведомых лиц
С надеждою вдребезг разбитой, ещё всё живой.
Ты не забудь мне напомнить о нашем "вчера",
Ведь память стала меня всё сильнее подводить,
Боюсь, настанет забыть всех дрянная пора,
Когда мне нечего в жизни впредь будет ценить...
Бой неизбежен, и понятным быть не смогу,
Вы сами сделали на хрупкий лёд первый шаг.
Поймёт ли кто-то из вас: не себя берегу!
Моё терпение треснуло. Теперь будет так.

Герой романа – герой трагедии

Передо мною с треском рушится Нирвана.
Не понимаю... Мне всегда чего-то не хватало.
Чтобы заполнить пустоту души, всех прелестей здесь
было мало,
Теперь ты смотришь на меня с презрением, бедолага,
Твоя сестра тогда всё правильно предполагала...
Но в это время боль меня совсем другая пожирала.
Не знаю, как сказать... всё вдруг пропало:
И смысл жизни, но его мне чувство скорби оправдало.
Не мог расслышать я последних слов твоих...
И что ты думаешь? Я был за нас двоих!
Пока ты коротал лета, всё за границей мира,
Вся жизнь твоя ну просто не могла пойти бы криво!
Пока ты создавал семью – вокруг меня всё только
гнило...
Никто не скажет толком, как меня зовут,
А уж начнут, так речь свою дрянную оборвут!
Мне не нужны ни подвиги, ни слава...
Но дай понять, а почему же ТЫ герой романа?!
Мне имя дал. Какая щедрость и услада!
А сам мой образ с самого начала перебрал... Моя забава!
Но, признаю, ты дорог мне... Твоё я имя сохраню.
Хоть каждый вечер я себя немножко да браню.

Разрушенный

Попытаюсь снова ни вести, ни звонить, ни искать,
Гневной суеты вокруг себя старательно не замечать.
Было бы с чем сравнивать разрушенные этой ложью
города!

Робко шепчу: "Мне не туда..." – внутрь входя...

Я мог бы сокрушить всё правдой, чистой, как вода,
И быть уверенным в себе, до этого как никогда!

Мог бы забыть, всё перекрыть и зачеркнуть... Но нет.

Встречай же меня снова лживый, пагубный рассвет!

Поверь! А если хочешь продолжения комедии – проси,

А коль сомнения берут, так сразу ноги уноси!

Нам все статьи твердят: "Ещё не поздно всё исправить,
сделав так, как говорят.",

Но пусть сначала убедят они людей тех, утопивших в
озере котят!

Зачем вы так... Плеснули в меня кислотой, в глазах
темно,

И едкой жижей мне сожгло прекрасное лицо... Моё лицо:

Без капли ненависти, без ухмылки. Вас молю!

Меня не любите: себя я также сильно не люблю.